

С. О. Карцевский

Об асимметричном дуализме лингвистического знака

Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно, т. е. он образован скрещением этих двух рядов мыслительных явлений.

Будучи семиологическим механизмом, язык движется между двумя полюсами, которые можно определить как общее и отдельное (индивидуальное), абстрактное и конкретное.

С одной стороны, язык должен служить средством общения между всеми членами лингвистической общности, а с другой стороны, он должен также служить для каждого члена этой общности средством выражения самого себя, и какими бы «социализированными» ни были формы нашей психической жизни, индивидуальное не может быть сведено к социальному. Семиологические значимости языка будут непременно иметь виртуальный и, следовательно, общий характер, для того чтобы язык оставался независимым от настроений индивида и от самих индивидов. Такого рода знаки должны, однако, применяться к всегда новой, конкретной ситуации.

Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе.

Независимо от того, направляется ли наше внимание в данной конкретной ситуации на новое, неизвестное, или на старое, одновременное присутствие этих двух элементов неизбежно для всякого акта понимания (или познания). Новое включается в старые рамки, оно осмысливается как новый род старого вида. Но это всегда род, а не индивид. Познать или понять явление — это значит включить его в совокупность наших знаний, установить координаты, на скрещении которых его можно будет найти. И все же действительно новыми являются не сами координаты, а их взаимоотношение, их скрещение. Само собой разумеется, что акт познания не может затронуть «индивидуальное» в собственном смысле слова. Реальное бесконечно, и в каждой данной ситуации мы удерживаем

только некоторые элементы, отбрасывая остальное как не имеющее значения с точки зрения наших интересов. Мы приходим тем самым к понятию, схематическому продукту интеграции, призванному с самого своего зарождения служить общим типом.

Лингвистический знак по своей внутренней структуре соответствует скрещению координат различных степеней обобщения в зависимости от семиологического плана, которому он принадлежит. Истинно новым, например, в слове, которое только что создано, является скрещение координат, а не координаты как таковые. Иначе и не могло бы быть, так как всякое слово с момента своего появления обозначает род, а не индивид. Если мы являемся свидетелями перемещения границ между семой и морфемой внутри слова, что часто имеет место в этимологизировании детей, например, *tamagei*, *rapont* и т.д., то это явление возможно только благодаря существованию в языке таких слов, как *paragei* и *tammouth*, которые и оказываются затронутыми смещением координат. В момент её «изобретения» координата является непременно общей, а не индивидуальной, созданной *ad hoc* для единичного явления. Можно было бы утверждать, что невозможно создание только одного слова и что можно создать по крайней мере лишь два слова одновременно.

Общее и индивидуальное даны во всякой семиологической системе не как сущности, а как взаимоотношения двух координат или двух рядов семиологических значимостей, из которых одна служит для дифференциации другой. Однако не следовало бы слишком настаивать на дифференциальном характере лингвистического знака. В введении к нашей «Системе русского глагола» мы говорили следующее: «Стало обычным утверждение, что лингвистические значимости существуют только в силу своего противоположения друг к другу. В такой форме эта идея приводит к абсурду: дерево является деревом, потому что оно не является ни домом, ни лошастью, ни рекой... Чистое и простое противоположение ведет к хаосу и не может служить основанием для системы. Истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия/Мыслимые явления образуют ряды, основанные на общем элементе, и противоположаются только внутри этих рядов... Таким образом, оправдывается и становится возможной омофония, когда две значимости, принадлежащие двум различным рядам... оказываются обладающими одним звуковым знаком».

Бессмысленно спрашивать, например, какова в русском языке значимость *-а* как морфемы. Прежде всего нужно установить ряды общих значимостей, внутри которых это *-а* проявляется. Например, *стол*, *стола*, *столу...*, *паруса*, *парусов...*, *жена*, *жены...* и т.д. Только тогда, учитывая ряд, мы можем понять, какова дифференциальная значимость этой морфемы.

Если один и тот же звуковой знак, как мы видели, в разных рядах может служить для передачи различных значимостей, то и обратное оказывается

возможным: одна и та же значимость внутри различных рядов может быть представлена разными знаками; ср. имя существительное множественного числа — *стола, паруса, крестьяне* и т.д. Омофония — явление общее, омонимия же является её частным случаем и проявляется в понятийных аспектах языка; противоположное ей явление (гетерофония) проявляется в понятийных аспектах как синонимия. Однако это не что иное, как две стороны одного и того же общего принципа, который можно было бы сформулировать, хотя и не очень точно, следующим образом: всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно. Иначе говоря, он одновременно принадлежит к ряду переносных, транспонированных значимостей одного и того же знака и к ряду сходных значимостей, выраженных разными знаками. Это логическое следствие, вытекающее из дифференциального характера знака, а всякий лингвистический знак непременно должен быть дифференциальным, иначе он ничем не будет отличаться от простого сигнала.

Омонимия и синонимия в том смысле, в каком мы их здесь понимаем, служат двумя соотносительными координатами, самыми существенными, поскольку они являются самыми подвижными и гибкими; они более всего способны затронуть конкретную действительность.

Омонимический ряд является по своей природе скорее психологическим и покоится на ассоциациях. Синонимический ряд имеет скорее логический характер, так как его члены мыслятся как разновидности одного и того же класса явлений. Однако число членов этого ряда не определено, ряд остается всегда открытым: даже если он существует в потенции, возможность введения данного значения в состав класса обязательно сохраняется. Именно эта идея класса в контакте с конкретной ситуацией становится центром излучения сходных значимостей.

Омонимический ряд также остается открытым, в том смысле, что невозможно предвидеть, куда будет вовлечен данный знак игрой ассоциаций. Однако в каждый данный момент мы имеем только два звена, относящихся друг к другу как знак транспонированный, знак в переносном смысле, к знаку «адекватному» и сохраняющихся в контакте в силу принципа *tertium comparationis*. Центром излучения омонимов является совокупность представлений, ассоциируемых со значимостью знака; их элементы изменяются в зависимости от конкретной ситуации, и только конкретная ситуация может дать *tertium comparationis*.

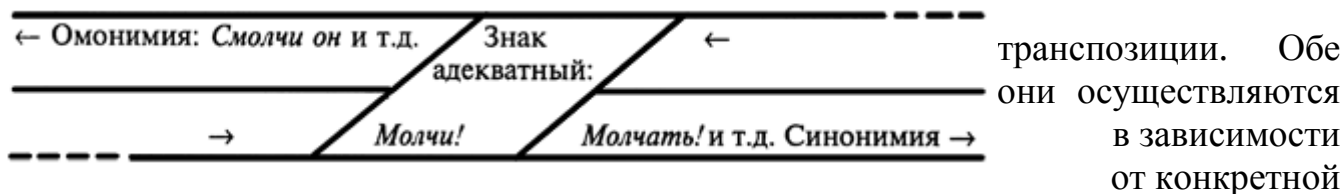
В «полном» знаке (таком, как слово, которое сравнивается с морфемой) имеется два противоположных центра семиологических функций; один группирует вокруг себя формальные значимости, другой — семантические. Формальные значимости слова (род, число, падеж, вид, время и т.д.) представляют элементы значений, известные всем говорящим; эти элементы не подвергаются, так сказать, опасности субъективного истолкования

со стороны говорящих; считается, что они остаются тождественными самим себе в любой ситуации. Семантическая часть слова, напротив, представляет некий род остатка, противящегося всякой попытке разделить его на элементы такие же «объективные», каковыми являются формальные значимости. Точная семантическая значимость слова может быть достаточно установлена лишь в зависимости от конкретной ситуации. Только значимость научных терминов зафиксирована раз и навсегда благодаря тому, что они включаются в *систему* идей. Между тем ещё очень далеко до того, чтобы говорить о системе в отношении совокупности наших идей, соответствующих тому, что можно было бы обозначить «идеологией обыденной жизни».

Поэтому всякий раз, когда мы применяем слово как семантическую значимость к реальной действительности, мы покрываем более или менее новую совокупность представлений. Иначе говоря, мы постоянно транспонируем, употребляем переносно семантическую ценность знака. Но мы начинаем замечать это только тогда, когда разрыв между «адекватной» (обычной) и случайной ценностью знака достаточно велик, чтобы произвести на нас впечатление. Тождество знака тем не менее сохраняется: в первом случае знак продолжает существовать, потому что наша мысль, склонная к интеграции, отказывается учитывать изменения, происшедшие в совокупности представлений; во втором случае знак, видимо, продолжает существовать, потому что, вводя *tertium comparationis*, мы тем самым мотивировали новую ценность старого знака.

Какой бы конкретной ни была эта транспозиция, она не затрагивает индивидуальное. С момента своего появления новое образование представляется как знак, т. е. оно способно обозначать аналогичные ситуации, оно является уже родовым и оказывается включенным в синонимический ряд. Предположим, что в разговоре кто-то был назван *рыбой*. Тем самым был создан омоним для слова «рыба» (случай переноса, транспозиции), но в то же время прибавился новый член к синонимическому ряду: «флегматик, вялый, бесчувственный, холодный» и т.д.

Другой центр семиологических значимостей слова, а именно группировка формальных значимостей, может быть также транспонирован, использован в переносном смысле. Вот пример транспозиции грамматической функции. Повелительное наклонение выражает волевой акт говорящего, перед которым ступенькается роль собеседника как действующего лица (*Замолчи!*). Однако эта форма появляется в другой функции: «*Только посеяли, а мороз и ударь*» (*tertium comparationis*: действие неожиданное, следовательно, «произвольное», независимое от действующего лица), или: «*Смолчи он, все бы обошлось*» (*tertium comparationis*: действие, навязанное действующему лицу); наконец, мы находим омофоны: «*Того и гляди*» и «*То и знай*» и т.д. Повелительная форма обладает, естественно, и синонимами, например: «*Замолчать! Молчание! Тсс!..*» и т.д. В своих основных чертах грамматическая транспозиция подобна семантической

действительности. Мы не можем останавливаться здесь на том, что их различает. Заметим все же основную разницу между ними. Формальные значимости, естественно, более общи, чем семантические значимости, и они должны служить типами, из которых каждый включает почти неограниченное число семантических значений. Поэтому грамматические значимости более устойчивые, а их транспозиция менее часта и более «регулярна». Сдвиг, смещение грамматического знака либо по омонимической, либо, но синонимической линии можно если не предвидеть, то, но крайней мере зафиксировать. Но невозможно предвидеть, куда повлекут знак семантические сдвиги, смещения. Однако в области грамматики подразделения происходят всегда попарно, и две соотносительные значимости противопоставляются как контрастные. Впрочем, мы знаем, что и в зависимости от некоторых конкретных ситуаций такие различные значимости, как совершенный и несовершенный вид, могут потерять свое противоположение. Следовало бы, таким образом, чтобы в «синтаксисе» не только изучались омонимические и синонимические сдвиги каждой формы (что, впрочем, является единственным средством для понимания значения функции каждой формы), но и были сделаны попытки определить, в какой конкретной ситуации и в зависимости от каких понятий значимость знака приходит к своей противоположности.

Для иллюстрации асимметричного характера знака можно было бы прибегнуть к следующей схеме:

Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны: будучи парными (accouples), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: «адекватная» позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации.